

УРОЖАЙ

Виктория Дервальд

Виктория Дервальд

Урожай

<https://litres.ru/74500959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это хоррор-история о десятикласснице Лизе Гордеевой, которая, гуляя по заброшке, находит личный дневник двух девочек. Из него она узнаёт, что 20 лет назад одна из авторов дневника, Катя, исчезла при загадочных обстоятельствах, а другая, Юля, оказывается мамой её одноклассника Никиты. Желая узнать правду об исчезновении девушки, Лиза сталкивается с необъяснимым мистическим феноменом-Безмирьем. Знакомясь с Юлей, Лиза узнаёт, что кроме пропажи Кати, есть и другие, а прошлое, от которого прячется Юля, даёт знать о себе.

Виктория Дервальд

Урожай

Пролог

Январь 1981 года

Юля смотрела в окно на заснеженный сад. Попугай Кеша заливался звонким щебетом, но девушка даже не обернулась. Отец велел пока не трогать птицу - пусть освоится. За стеклом кружил снег, превращая Симферополь в новогоднюю открытку, однако Юле было не до зимних чудес. Она бы с радостью побежала на Народную, съезжать с ледяной горки вместе со всеми, но знала наверняка: её прогонят. Ей больше никто не верил. Пусть обвинения и сняли официально, мать Кати по-прежнему подкарауливала их у калитки и кричала через забор, что имеет право знать правду о случившемся.

-Ты бы погулять пошла, Юлек – вошедший на кухню папа поставил на плиту чайник.

-Будем есть прошлогодние салаты? – попыталась пошутить она.

Вчера они вдвоем встретили новый, 1981 год. Впервые за долгое время они не накрывали на стол, ограничившись оливье, винегретом и папиным фирменным Наполеоном. Правда, в пол первого ночи пришел Костя, принес шампанское и мандарины. Папа был от гостя в восторге, а вот у Юли тот вызывал странное чувство — смесь смутной тревоги и любо-

пытства. Она догадывалась: он приходит повидаться именно с ней.

На ветку груши сел снегирь. Снег осыпался пушистыми хлопьями. В свете морозного солнца красная грудка птицы казалась акварельным мазком. Юля сглотнула ком в горле. Нужно рисовать. Папа сделает рамку, и они повесят снегиря прямо здесь, на кухне. Хорошая идея... Найти бы силы. Ящик с рисовальными принадлежностями был заброшен с середины осени — с того самого дня.

Поднявшись на второй этаж, Юля распахнула тяжёлый дубовый шкаф, доставшийся от бабушки-немки. Порывшись в его недрах, извлекла изрядно запылённую коробку. Ожидая увидеть палитру и кисти, откинула крышку. Поверх всего лежала зелёная тетрадь на девяносто шесть листов. Обычно такие заводили для словарных работ по английскому или конспектов по истории, но Катя предложила вести общий дневник, куда подружки станут записывать самое сокровенное. Юля уже хотела задвинуть ящик обратно, но тетрадь, словно по воле чуда, выскользнула из рук и упала на пол. Поднимая её, девушка ощутила, как бешено колотится сердце, а ладони мгновенно стали влажными.

-Ладно, с меня хватит.

Тихонько спустившись вниз, быстренько накинула пальто, шапку, и ботинки. Тетрадь она спрятала под одежду.

-Ты куда собралась, гулять? - окликнул отец.

-Я быстро, пап! Скоро вернусь!

-Ты не долго только!

Спускаясь с горки, Юля решительным шагом шла в сторону кирпичного завода.

«Ну, помоги мне!»

Пора избавиться от этой проклятой тетради навсегда. Вот конец Народного переулка. Можно перейти дорогу. Или пробраться через детский сад? Нет, Морская, три — дом Кости. Если пойти там, вдруг столкнёшься? Не хотелось бы никого видеть, особенно родителей Кати, они ведь живут на Беспалова. Идти становилось всё труднее. В боку закололо, стало тяжело дышать, ноги вязли в снегу. Сегодня первое января, дворники еще спят — неудивительно. Так, еще немного... Миновав почтовое отделение, она остановилась перед металлической лестницей, ведущей на территорию завода, чтобы перевести дух. Потрогала область груди сквозь пальто — тетрадь на месте, жжет кожу даже через ткань. Хорошо. Лестница преодолена. Хорошо. Лестница позади. Девушка огляделась. Сарайчики вокруг предприятия, его цеха, главное здание — всё укрыто первозданным снегом. Ни души, даже собачьего лая не слышно.

Осторожно пройдя к первому одноэтажному барaku, Юля приложила ухо к двери — тишина. Дверь заперта, но она помнила Катин трюк. «У меня талант медвежатника!» — смеялась когда-то та, ловко вскрывая замок шпилькой. Выудив невидимку из волос, Юля скрутила её вдвое. Просунула в скважину, чуть потянула дверь на себя. Та поддалась,

открываясь легко и бесшумно. Девушка шагнула внутрь, за-
жмурившись от пыли. Никого. Два письменных стола, стоп-
ки бумаг, перевязанных бечевкой, стеллажи с бухгалтерией.
Идеальное место. Расстегнув пальто, взяла тетрадь в послед-
ний раз. Она надеялась, что все получится, иначе придется
идти к ставку, а у нее ноги замерзли так, что уже не ощуща-
лись пальцы.

-Где же ты, Катюша?

Медлить было нельзя. Зайдя за шкаф, она увидела еще
один письменный стол, чуть поменьше. В нем было несколь-
ко ящичков для писем и бумаг.

-То, что нужно!

Вытащив один из ящичков, Юля встряхнула его содер-
жимое. Затем, пошарив на столешнице, нашла клей ПВА и
белый картон. Отложив серые, ещё не заполненные бланки
чеков и чистые трудовые книжки, она намертво приклеила
тетрадь ко дну, а сверху прикрыла её двумя листами картона.
Сложив всё на место, оставалось лишь надеяться: если кто-
нибудь однажды и наткнётся на этот тайник, сама она будет
уже далеко-далеко отсюда.

Часть первая. Следы.

Глава 1

Август, 2002 год.

Лиза с самого утра маялась от безделья. Летние канику-
лы подходили к концу, впереди ждал десятый класс, но на
душе было невыносимо тоскливо. Она перебралась в Сим-

ферополь всего год назад — отца перевели на новое место службы, и семья последовала за ним, — однако так и не смогла по-настоящему обжиться здесь. В школе появились приятели, отметки были вполне приличными, но девушке отчаянно недоставало прежней жизни. После огромного, полного тайн Екатеринбурга крымская столица казалась ей крошечным, выцветшим городком.

Район Марьино, где они поселились, представлял собой тихий спальный массив. Неподалёку раскинулась целая россыпь водоёмов: ставок, водохранилище и то, что местные называли «квадратом». На деле это был искусственный пруд, куда спускали воду через гигантскую перегородку их водохранилища, но подросткам там нравилось. Поговаривали, что на дне квадрата покоятся белые «Жигули», когда-то утопленные вдрызг пьяным шофёром, однако Лиза предпочитала другую версию — о том, что внутри салона до сих пор лежат останки владельца.

В этот августовский день, который, как и прочие, не сулил ничего примечательного, к ней заглянули одноклассницы - Диляра и Маша.

- Лиза, айда на кирпичку! - с порога позвали девчонки.

«Кирпичкой» звали полуразрушенный, заброшенный кирпичный завод: предприятие встало ещё в девяностые, а ныне служило главным местом сбора местной молодёжи. Старшее поколение обходило эти руины стороной из-за дур-

ной славы — об убийствах, тайном схроне беглых преступников и дезертиров, встреча с которыми не обещала путникам ничего хорошего. Но именно эти байки, никем не подтверждённые, делали развалины столь притягательными для скучающих подростков.

-Пойдём, там будет Юра! — канючила Маша.

Юра Савицкий, ученик восьмой школы, редко появлялся в их компании, но всякий раз перетягивал на себя всё женское внимание. Он резко выделялся на фоне их одноклассников — подкачанный, с косой рваной чёлкой, в рваных джинсах и с массивными наручными часами на стрелочном циферблате. От него веяло пугающим жизненным опытом, а главное — он гонял на папиных «Жигулях», так что у Маши, как и у большинства девочек, попросту не было шансов устоять перед его обаянием.

-И что там делать? — Лиза уже начала собираться, пока подруги ждали её в коридоре.

- Здравствуйте, девочки! — к ним вышла мама, Наталья Игоревна. Строгая, сухопарая, полноватая женщина, она служила в банке и держалась так, словно занимала кресло директора.

- Здравсьте... — нестройно протянули Диляра с Машей и инстинктивно попятились к выходу, будто их выставляли за порог, а не приветствовали.

- Мам, мы погуляем, буду не поздно! — бросила Лиза матери в спину, даже не удостоив её взглядом.

По дороге на «кирпичку» девчонки заглянули в магазинчик, ютившийся в здании старого почтового отделения.

--Лиз, там Юра будет, вы с Дилярой как-то незаметно оставить нас вдвоем? Ну типа случайно? – Маша выбирала себе замороженный фруктовый сок и маленькую пачку влажных салфеток, потому что мороженное растает моментально, благодаря Симферопольскому солнцу.

-Ага, — рассеянно отозвалась Лиза, закидывая в корзину пачку сухариков «Три корочки» со вкусом дымка. В Екатеринбурге таких не водилось, а здесь у неё сложилась традиция - после уроков забегать в этот павильон на Беспалова, брать сухарики с лимонадом и, придя домой до прихода родителей, съесть всё под телевизор, глядя «Страшные истории. Клуб полуночников». Лиза обожала мистику, ведь в этом сериале с необъяснимым сталкивались такие же подростки, как она сама. К тому же девочка отчаянно мечтала хотя бы раз в жизни увидеть или услышать нечто подобное.

-Вы идете? – Диляра нетерпеливо переминалась с ноги на ногу у двери – я вот и не хотела идти, но делать все равно нечего.

Диляре тоже нравился Юра, только она об этом помалкивала. Но по её вороватым взглядам, которые Лиза частенько перехватывала, и по внезапно вспыхивающим щекам, когда Савицкий небрежно ронял: «Привет, Белоснежка!» - кожа Дили была белоснежной -все подружки давно сделали выводы

-А что Сонников там забыл? - спросила Лиза, насыпая в рот целую горсть сухарей.

-Ты чего? – Маша непонимающе уставилась на нее –Он же дружбан Юры!

-А! – Лиза стукнула себя ладонью по лбу. Жест, который она однажды увидела у одной маминой подчиненной, и который ей очень понравился, она использовала часто.

Никита Сонников, их одноклассник, жил чуть дальше Лизы, в частном секторе. Тихий и спокойный парень, хорошо учился, но «ботаном» не был. У него была простая, но контрастная внешность – Яркий румянец и темные, густые волосы, которые он старательно приглаживал, а те все равно торчали во все стороны. Девчонки часто говорили, что его брови и ресницы мужчинам совершенно ни к чему, в то время как некоторые женщины обделены таким богатством. Но Лиза очень мало общалась с одноклассником, их компании редко пересекались, и в общем-то, он ее не интересовал.

Дойдя до узкой металлической лестницы, круто уходящей вверх, девочки услышали голоса ребят. — Ну долго мы вас тут ждать будем? — крикнул им Юра. Никита просто улыбнулся и помахал рукой. Лиза вдруг задумалась: что вообще связывает этих двоих? Хулиган и отличник, они казались полными антиподами, но почти не расставались. Девочки машинально поправили волосы и одёрнули одежду.

Лиза пропустила вперёд Машу с Дилярой, а сама поплелась в хвосте. Невыносимая духота, она зачем-то влезла в

джинсы и кроссовки... Эх, надо было остаться дома!

Оказавшись наверху, она застыла как вкопанная. К ним со звонким лаем бросились две крупные собаки, весело виляя хвостами. — Ты чего, испугалась? — удивился Юра. — Я их знаю, это Речка и Пальма, они нас не тронут. Парень расправил плечи и, властным окриком осадив псов — «Девочки, фу, на место!» — приглашающим жестом повёл всех за собой. Лизу он пропустил вперёд, что не укрылось от Маши, которая едва слышно вздохнула.

Никита, замыкавший их процессию, достал из рюкзака фотоаппарат. Маша словно невзначай оказалась подле Юры, а тот внезапно приобнял её за талию и другой рукой показал камере большой палец. Лиза улыбнулась, и в этот самый миг раздался тихий щелчок затвора.

-Никитос, а ты можешь нас потом отдельно пофоткать? — спросила Маша

-Тебя и Юру? — улыбнулся Никита, а Маша покраснела, и что-то чуть слышно съязвила в ответ.

Ребята разбрелись по территории. Когда-то, ещё в восьмидесятые, предприятие планировали расширять и наращивать объёмы производства. Здесь был карьер, где с удовольствием плескались и дети, и взрослые, окружённый небольшим перелеском; горы сухой глины, на которые так весело было взбираться ради вида на Марьино с высоты птичьего полёта. Полуразрушенные цеха и переходы соседствовали с приземистыми одноэтажными постройками — судя по все-

му, те служили одновременно складами и конторой.

Юра, облачённый в обтягивающую майку и джинсы с рваными коленями, которые он порезал сам, методично обходил каждую дверь, дёргая за ручки и проверяя замки на прочность.

-Юр, ты что, хочешь попасть внутрь? – спросила Маша плаксивым голоском, и даже потянув его за руку, будто ограждая от возможной опасности.

-Не бойсь, может что интересное найду! – Юра подмигнул ей, и она сдалась.

Лизе эта затея не очень нравилась. Все-таки, у завода были какие-то сторожа, или охрана. Что если их сейчас поймают? Такое происходит в самый неожиданный момент. И куда им бежать? Она территории не знает совсем, и боится собак. И еще потом получит от матери нагоняй.

Ее мысли прервал звук открывающейся двери, и радостные возгласы ребят. Юра, обладая недюжинной силой, отломал замок на иссохшейся двери, и шагнул навстречу приключениям.

-Заходите! – позвал он через некоторое время остальных.

Лиза, тяжело вздохнув, сочла, что оставаться снаружи тоже небезопасно, и последовала за компанией. Внутри всё покрывал такой плотный слой пыли, что стало тяжело дышать. Кто-то из ребят сдавленно кашлянул. Помещение оказалось небольшим, с ещё более тесным предбанником, когда-то служившим кабинетом. Деревянный письменный стол занимал

почти всё свободное пространство, а разбросанные и поломанные стулья валялись повсюду. Казалось, хозяин кабинета перед уходом устроил здесь настоящий дебош, не пощадив даже красивый настольный абажур бутылочно-зелёного цвета.

- А можно забрать себе? — подала голос Диляра. — Забери, — улыбнулся ей Юра, и глаза девочки засияли в пыльном полумраке.

Никита щёлкал обстановку, порой лоя в объектив позирующих девчонок. Лиза стояла у стола, пытаясь выдвинуть ящики. Те намертво заклинило.

- Давай я, — предложил он, подойдя ближе. — На, поддержи. Она приняла камеру из его рук, бережно прижав к груди.

Ящик на удивление легко поддался, и Ник вытянул стопку журналов. Перелистав их, ребята ничего любопытного не обнаружили: хозяйственные ведомости, строительные сметы, неиспользованные блокноты для бухгалтерии. Открыв все секции комода — Лиза так надеялась найти какой-нибудь артефакт вроде перьевой ручки или чернильницы, — она слегка разочаровалась. Пусто.

Присев на стул, она положила руки на подлокотники и откинула голову.

- Замри! - скомандовал Никита. — Сейчас выйдет хороший кадр! Лиза послушно застыла, но ей не верилось, что в пыли, грязи да со спутанными волосами она будет выглядеть на фото хоть сколько-нибудь прилично. Когда же Ники-

та принялся снимать остальных девчонок и Юру с разными предметами в руках, словно они были охотниками за реликвиями, Лизе стало откровенно скучно. Начав раскачиваться взад-вперёд, она внезапно потеряла равновесие и рухнула на спину, завалив собой небольшой шкафчик, стоявший позади.

Грохот всполошил всех. Подскочив, Лиза торопливо извинилась и с ужасом уставилась в мутное окно — не привлек ли её грохот кого-то постороннего? Ребята поинтересовались, цела ли она, а девочка, смущённо почесав затылок, поспешила их успокоить.

-Нам надо закругляться – сказала она. Отряхнувшись, поставив на место стул, Лиза начала складывать все бумаги в ящик. В последнем, куда она хотела поместить два толстых журнала учета, но они почему-то не вмещались.

-Да что там такое? – негодуя произнесла она, торопясь убрать все и уйти.

Просунув руку в ящик, девушка нащупала еще один журнал. Вот что мешало!

Старая зеленая тетрадь, на 96 листов, была намертво приклеена к куску картона. Она застряла между стенкой ящика и дном полки, поэтому, они с Никитой не заметили ее вначале.

Лиза взяла ее в руки, и внимательно рассмотрела. Нет, это был не журнал. Темно-зеленая шершавая обложка, загнутые углы, а внутри – женский почерк.

«Дневник Кати Снегиревой и Юли Тихоновой» - гласила надпись на первой странице. На следующих были небольшие рисунки цветными карандашами и записи, которые делились на абзацы. Каждый был написан разным почерком.

«Писали по очереди» - догадалась Лиза.

Ее прервал голос Маши: -Ты идешь или остаешься? Что там у тебя в руках?

Маша подошла к подруге, и хотела выхватить тетрадь, но Лиза ловко спрятала ее за спину.

-Ничего. Домой возьму, будет где рисовать, а то у меня альбом кончился.

Ребята решили возвращаться. Ничего интересного в этом здании он не нашли, и только Ник был доволен. Он говорил, что распечатает фотографии и подарит каждому на память. А что-то сделает портретом.

-У меня мама художница – сказал он, когда все вышли наружу, и направились к карьеру – Она любит такие места, где когда-то была жизнь, а сейчас, время будто застыло. У нас дома много картин на эту тематику.

Карьер выглядел так, будто некий гигант вырвал из земли кусок, оставив после себя идеально ровную площадь с террасами. На самом дне стоял одинокий трактор, опустив свой ковш так, словно загрустил. С высоты он казался совсем крошечным, едва различимым, а тишину нарушал лишь шум ветра. Весь район казалось, поместился бы на ладони, а глиняные границы карьера словно отделяли их от чего-то гран-

диозного.

Лизе нравился этот пейзаж. Одинокий, но, в тоже время, вокруг ощущалась жизнь, невидимая человеческому глазу. Солнце уже садилось, и дно карьера начало темнеть. Прижимая к груди старую тетрадь, ей показалось, что от нее исходит холод и запах сырости.

«Еще бы, столько времени пролежать в темном месте» — подумала она.

Глава 2

Вернувшись домой, Лиза с порога услышала из кухни голоса родителей. Папа увлечённо рассказывал маме о новом месте службы — его назначили заведующим отделением в детском психоневрологическом диспансере. Мама внимательно слушала, время от времени вставляя дежурное: «Да-да, конечно», «И не говори, Серёжа». Улучив момент, девушка на цыпочках сняла кроссовки и бесшумно проскользнула в свою комнату, чтобы спрятать тетрадь под матрас.

- Ну, Лизок, рассказывай, чем сегодня занималась? — Папа всегда живо интересовался её делами, и девушку это совершенно не напрягало. Ему действительно было любопытно, поэтому дочь с воодушевлением принялась описывать свои приключения.

- На стройке! Как беспризорница! — укоризненно воскликнула мама, услышав, где именно побывала Лиза.

- Мам, какая стройка? Это заброшенный кирпичный завод! — Не разговаривай с набитым ртом, — почему-то за-

думчиво посоветовала мама.

Папе история тоже пришлась не по душе, но он лишь посоветовал на то, что их могли поймать. — В моём детстве мы по огородам лазали, воровали кукурузу. Так мне однажды солью в одно место стрельнули! Ох! - папа потер ладонью поясницу, вспоминая бурную юность.

-Пап, да мы же осторожно. Всё равно делать нечего...

Затем родители вновь завели старую песню о том, что Лиза отказалась от путёвки в санаторий «Бригантина» — а ведь отцу дали её на работе просто так, за выслугу лет, — убеждая, что лагерь был бы куда лучше «кирпички» и карьера. С этим дочь категорически не соглашалась, но предпочла смолчать и, поблагодарив маму за ужин - к столу подавали фаршированный перец, а на десерт ждал тёртый пирог со смородиной, - ушла к себе.

Расположившись на кровати, и оставив из света только ночник, Лиза достала свое сокровище. Тетрадь пахла старой бумагой, пожелтевшие листы были сухими и шероховатыми. Убедившись, что в комнату никто не войдет, она начала читать.

Помимо рисунков, которые изображали школу, некую площадку – по –видимому, на ней подруги гуляли и передавали друг другу тетрадь. Катя писала пузатыми, аккуратными буквами, особенно красиво у нее получалась прописная маленькая Б.

«Ты видела, в чем сегодня пришла Оля? Я едва сдержива-

лась, чтобы не засмеяться на весь класс».

Юля писала резким, крупным почерком, ее буквы больше напоминали палочки.

«Она пытается понравится Андрею, а он ее обзывает толстой. Я бы не простила такого».

Пролистав пару страниц, Лиза решила, что в дневнике нет ничего интересного. Девочки описывали школьные будни, подготовку к осенней демонстрации, кто в чем на нее пойдет. Вспоминали интриги внутри класса, смеялись с учительницы химии, Елены Анатольевны. Тут ее осенило – их учительницу зовут так же! Наверняка, всех химичек зовут стандартными скучными именами, ничего удивительного. Рисунки принадлежали Юле, это она поняла по одному из комментариев Кати.

«Ты так красиво нарисовала водохранилище! Мама сказала, что можно повесить как картину» - писала она подруге.

Девочки делились личным – кто им нравился, кто в кого влюбился. Было немного неловко читать об этом, без спроса узнавая чужой секрет. Юля много писала про свою мечту стать художницей, а Катя – как она уедет из Симферополя, и станет певицей или актрисой.

Через несколько страниц, уже после проведения осеннего праздника – это Лиза поняла по дате записи – тон переписок стал напряженным. Катя говорила, что ей снится один и тот же кошмар про лес, в котором они в детстве с родителями собирали грибы.

«17 октября. Юль, давай прогуляемся до соснового бора? Что там такого страшного? Мы с тобой там сто раз были, купаться бегали»

Юля отвечала опасливо.

«18 октября. Не хочу я туда идти. Сейчас темнеет рано, там в лесу вечно что-то чудится. Катя, уймись, это всего лишь сон. Никаких лестниц там нет, сама говоришь – не раз там были».

Далее следовало описание сна Кати:

«Я вижу, что прямо передо мной, посреди деревьев, завис лестничный пролёт. Он никуда не ведёт — у него нет ни двери, ни перил. Но я обязана преодолеть эти одиннадцать ступеней. Я знаю это с абсолютной точностью, хотя понятия не имею откуда. Меня словно затягивает туда неведомой силой. Странно: саму чащу и поляну я помню до мельчайших деталей, но откуда в моём сознании взялся этот кусок бетона?»

«19 октября. Если не пойдешь со мной, я пойду сама. Вот такая ты подруга!»

«20 октября. Я твоя подруга. И я боюсь за тебя. Катя, мало ли кто там бродит сейчас? Тем более, идти вечером!»

«21 октября. В общем, Юлька, я все придумала! Мы скажем моей маме, что я пошла к тебе с ночевкой. А сами пойдем в лес! Потом ночью тихонько проберемся к тебе домой, съедим парочку бутербродов, и завалимся спать. Все, и больше ни слова про лес и лестницу, слово пионерки!»

«22 октября. Ладно, уговорила. Только пойдем днем, пока

еще не стемнело».

Лиза поудобнее устроилась на кровати. Рисунки Юли становились всё более мрачными. Сначала она изображала лесную поляну в тёплых, осенних тонах — багряном, охристом и золотом. Деревья купались в солнечном свете, опавшая листва лежала сплошным ковром, а две крошечные фигурки, отличавшиеся лишь цветом волос — светлым и тёмным, — застыли у дальнего края поляны.

Но дальше пейзажи менялись до неузнаваемости, превращаясь в пугающие, почти потусторонние зарисовки: голые древесные стволы, утопающие в изумрудном мхе и серых камнях; густые тени, смутно напоминающие человеческие силуэты; и лестница. Ведущая в никуда, сложенная из тёмного камня, с бетонными ступенями, как в типовом подъезде, она выглядела то ли арт-объектом, то ли брошенным посреди чащи строительным мусором. Но кто станет возводить лестничные марши в глухом лесу? И главное - зачем?

В комнату постучали, и Лиза поспешила спрятать тетрадь обратно под матрас. Мама вошла в распушенных волосах и накинутом на плечи халате - пожелать дочери спокойной ночи.

- Лиз, ты уже думала, куда поступать? - спросила она, присаживаясь на край постели.

- Ещё нет, - соврала Лиза. Она мечтала стать художницей-мультипликатором, но родители считали это блажью: несерьёзным занятием, которое не принесёт ни копейки.

- Художествами себя не прокормишь, — со вздохом констатировала мама. — Куда ты устроишься? В «Клинское», сюжеты для сухариков рисовать?

Поднявшись, она ещё раз бросила «Спокойной ночи» и ушла к себе.

От этих слов стало горько. Родители всё чаще напоминали о важности выбора будущего призвания. Папа неустанно твердил о прелестях стабильности: когда закрыты все базовые потребности, вот тогда можно и рисовать, и танцевать в своё удовольствие. Мама же приводила в пример какую-то дочь своей дальней приятельницы, которая готовилась к экзаменам днём и ночью, без сна и отдыха, чтобы поступить на экономический факультет МГУ. Лизу от подобных разговоров начинало трясти. Она терпеть не могла давления извне, а потому лишь сильнее утверждалась в своём решении штурмовать художественное училище.

После душа, она еще раз взяла в руки дневник. Запись теперь велась от лица Юли.

«28 октября. Господи, что я наделала! Если ты есть, умоляю, пусть Катя найдется!»

У Лизы появилось неприятное чувство в затылке. Она оглянулась — легкий порыв ветра влетел через открытое окно.

«30 октября. К поискам подключили военных. Папа меня не ругает. Он говорит, что у Катинного отца есть связи в МВД, они выделили кинологов с собаками. Господи, бедный папа,

никакие кинологи не помогут! Мне никто не верит. Она просто исчезла, и все. Мы бегали, как идиотки, вокруг этой проклятой лестницы, а потом – все! Мне очень страшно. Где же ты, Катя, куда ты убежала?»

Не в силах бороться со сном, Лиза уснула в обнимку с дневником.

Она бежит по темному лесу, не разбирая дороги. Бежать тяжело, воздух в легких почти закончился. Между деревьями она различает некий серый силуэт. Нога коснулась первой ступеньки. Один, два, пять, семь... Надо успеть, надо дотянуться хотя бы одной ногой... Десять. Под ногами словно больше нет тверди. Ей необходимо куда-то попасть, кого-то найти, но она не различает ничего. Вокруг только серо – белая масса.

«При-вет» - чей-то механический, шуршащий голос раздался со всех сторон сразу. Лиза покачнулась, не успев ничего понять, и проснулась от того, что упала с кровати.

Глава 3

Симферополь, наконец, посетил долгожданный дождь. Болтая по телефону с Дилярой, Лиза выяснила, что в первые недели августа, природа как будто проводит репетицию осени.

-Так что, гулять сегодня не пойдем, а жаль. Так хотелось на квадрат сгонять – вздыхала Диля.

-Да ладно, слушай... - Лиза замялась – я вообще не выспалась, сейчас хоть родителей дома нет, могу ничего не де-

лать, а просто лежать.

-Как думаешь, Юре нравится Маша?

Лиза не ожидала такого вопроса.

-С чего ты взяла? Я не заметила.

-А я? – тихо и осторожно спросила Диля.

-Я думаю, что ему нравится он сам. – Лизе стало неловко от того, что она не знала, как ответить.

Едва она положила трубку, как аппарат затрезвонил снова.

- У меня зазвонил телефон. Кто говорит?

- Слон! - раздалось на том конце провода. Лиза невольно прыснула. Ей понравилось, что Никита подхватил шутку.

- Я хотел фотки занести, вчера как раз проявил, классные вышли. Ты дома сейчас?

- Дома, заходи, - и Лиза поняла, что просто лежать в кровати больше не получится.

Никита явился с зонтом-тростью, бережно пряча под ним объемный бумажный пакет.

- Папа поделился. В них карточки лучше сохраняются, — пояснил он, стряхивая капли дождя на коврик в прихожей. Проводив гостя на кухню, она кивнула в сторону плиты: будешь? - Обязательно, - решительно отозвался парень, усаживаясь за стол.

Пока Лиза ставила чайник и разогревала на сковороде мамины блины, Никита увлечённо рассказывал, как ему повез-

ло с семьёй. — Папа разрешил рядом с маминой мастерской оборудовать себе закуток, где я могу колдовать над плёнками. Родаки у меня супер, конечно! — Он поглощал завтрак, щедро намазывая горячий блин сметаной и смородиновым вареньем.

- А ты чего сидишь? - удивился он так, будто это Лиза была здесь гостьей.

- А? - Она оторвала взгляд от окна, где улицу Беспалова стремительно превращало в подобие Венеции. - Ем, ем. Я, кстати, люблю осень куда больше лета.

-Посему? — спросил Никита, пережевывая блин — ты поэт?

-Потому что осенью можно регулировать температуру с помощью одежды — засмеялась Лиза — а летом жара и влажность, никуда не деться. Ну, показывай фотографии — она кивнула на лежащий рядом со столом пакет.

Никита вытер лицо и руки салфеткой, встал, и торжественно, будто грамоту, достал фото и протянул их девушке.

«А ведь и правда, здорово получилось!» — подумала Лиза, перебирая глянцевые прямоугольники. Она и не подозревала, что пойманные наугад мгновения могут так точно обнажать суть людей: вот Маша смущённо косится в сторону Юры, который увлечённо показывает ей что-то вдали; вот Диляра приложила палец к губам, улыбаясь и призывая всех замереть; а вот и сама Лиза, сидящая в кресле за письменным столом и смотрящая прямо в объектив.

Странно, ей всегда казалось, что у неё невыразительные

глаза и блеклые волосы, но сейчас она походила на скандинавскую принцессу — лёгкий загар, пшеничные пряди золотой волной рассыпались по плечам, а во взгляде смешались задумчивость и озорство. Да и вовсе она не такая худая, как твердит мама. Позади нее отчетливо виднелась чья-то тень. «Наверное, Юра встал спиной к объективу» - решила она.

-Я бы вставил в рамку – Никита подошел и взял ее фотографию – очень необычный сюжет, как будто ты из будущего попала в прошлое, а?

-Так и было – согласилась Лиза. Мы буквально вскрыли капсулу времени –Она коснулась рукой подбородка.

-Кстати, Никита, цветопередача у тебя идеальная. Вон как свет лег – Лиза искренне восхищалась работой парня.

-А ты разбираешься? – с удивлением спросил он.

-Немного. Я так, рисую по чуть-чуть.

-Покажешь?

Лиза поколебалась мгновение, но согласилась. Они расположились на полу в ее комнате, где было удобнее всего рассматривать рисунки.

-Не знал, что ты рисуешь. Еще и так здорово. Ух ты, это что, наш кабинет? – Никита

-Ага, я даже хотела его физичке подарить, на память.

-Подари – одобрительно закивал парень – все один в один: Ньютон, Ом, Герц! – он искренне восхитился увиденным.

-Ты еще их имена знаешь? – Лиза была не менее удивлена.

-А почему ты не повесишь свои рисунки на стену? Мама

так часто делает, чтобы видеть разницу в работах, и так лучше понимаешь, куда двигаться дальше.

Лиза только вздохнула. Она и сама не знала, почему складывает все под кровать. Никита, осторожно перебиривший один за другим рисунки, потянулся за следующими свертками. И пока она сама любовалась рисунками, он вдруг произнес:

- Ой, а это что? Извини, я думал альбом...

Лиза резко развернулась, будто её застали на месте преступления, но тут же взяла себя в руки. Присев рядом, она забрала тетрадь у него из рук и произнесла:

- Знаешь, а ведь я нашла там не только ведомости и журналы.

- А что же это? — Никита не выглядел осуждающим, он не допрашивал, просто с искренним любопытством смотрел на Лизу.

- Это дневник. Двух одноклассниц. Ну, знаешь, видимо, от скуки переписывались, передавая его друг другу. Тут рисунки, кстати, интересные, гляди. Ник склонился над первой страницей, оформленной в виде обложки старинной книги.

- А ты читала, что там? - отчего-то совсем тихо спросил он.

- Читала. Вроде ничего интересного сначала... — Лиза замялась. - Я ведь даже не знаю, хорошо ли поступаю, копаясь в чужих тайнах?

- Ну, ты же не специально его нашла. И никому не расска-

жешь.

- А ты? - покосилась на него Лиза.

- А я уже пролистал, - улыбнулся он. — Ну так что, есть там что-то стоящее?

Лиза посмотрела в окно, где дождь продолжал лить сплошной стеной. Прижав к груди тетрадь, она словно взвешивала: рассказать ему или промолчать?

- Я пока сама до конца не дочитала. Там творится какая-то чертовщина. Эта девочка, Катя, пропала. А её подруга Юля то ли что-то знает, то ли нет, я ещё не поняла...

- Как ты сказала? - Никита изменился в лице. Он смертельно побледнел и поднялся на ноги.

- Катя пропала, Юля...

- Там есть их фамилии? - перебил он её, совершенно перепугав девушку своим видом.

- Ник, ты чего? - Лиза инстинктивно отстранилась, по-прежнему не выпуская дневник из рук.

- Фамилия Юли - Тихонова? — полушёпотом спросил он.

- Да... - выдохнула она. - А откуда...

- Это моя мама. Её девичья фамилия — Тихонова. И у неё в юности пропала лучшая подруга. Так и не нашли.

Ребята стояли друг против друга, оглушённые этой новостью, не зная, что сказать. Первым пришёл в себя Никита.

- Я всей истории не знаю, мама не любит об этом вспоминать. Но то, что та девочка пропала в лесу, а мама потом виныла себя, это факт. Только вот... Как их дневник попал на

склад кирпички?

-Не знаю. Но мы можем это узнать.

Шум падающих капель по подоконнику стал отчетливо слышен. За окном, помимо серой стены дождя, начал завывать ветер, и ребятам показалось, что вот-вот начнется ураган.

Глава 4

Три дня дождь лил, не переставая. Папа с мамой возвращались домой, промокшие до нитки, и Лиза только успевала развешивать на лоджии мокрую одежду и расставлять зонты.

-Нет, ты посмотри! Так ничего не высохнет, вот тебе и Крымское лето! – возмущался папа.

-Сережа, да ладно тебе! У тебя хотя бы халат запасной есть, а мне вот как быть? Да и достала жара эта уже – говорила мама, снимая в прихожей обувь.

-Ты чего такая задумчивая стала? – обратилась она к дочери – случилось что?

-Ничего. Просто дождь весь день, не погуляешь даже.

-Скоро школа начнется, вот и скучать будет некогда-попытожила мама, и пошла надевать домашний халат.

Но на самом деле, Лиза грустила от того, что встреча с мамой Никиты откладывалась. Он никак не мог ей сказать, что одна девочка нашла в заброшенном здании ее дневник.

-Я просто должен придумать, как это сделать, понимаешь? – говорил он в трубку

-Не понимаю, что тут придумывать? Так и скажи – мама, Лиза нашла твой дневник, и она хочет его отдать!

Никита отнекивался, что так нельзя – сразу шокировать маму.

-Зачем-то она его там оставила? Явно не для того, чтобы его вернули? И вообще, мама ту историю вспоминать не любит, поэтому, надо деликатно подойти к вопросу.

Чтобы хоть как-то занять себя, она продолжала читать.

«4 ноября. Катю так и не нашли. Сегодня меня вызывали на допрос – первый раз с момента ее пропажи. Следовательно женщина, и на этом спасибо. Мама Кати уже дважды приходила к нам, кричала, что я все знаю, но не говорю, плакала. Папа еле сдерживал ее, мне кажется, она бы меня убила»

Лиза заметила, что записи Юля оставляла все реже – раз в неделю, две.

«12 ноября. Сегодня в школе Толик ударил меня в спину так, что я упала при всех, и никто за меня не заступился. Он сказал, что я убила Катю, а труп закопала в лесу. Я ответила, что собаки не нашли ее следов, и что я никого не убивала, но он только оплевал меня из ручки. Если бы не Нина Анатольевна, зашедшая в класс...»

Проведя рукой по лицу – привычный жест усталости, она прошла по комнате. Так, надо заправить кровать, а то мама заметит, и сделает замечание. Еще неплохо бы перебрать тетради и канцелярию, ведь через полторы недели школа. Лиза старалась отвлечь себя бытовыми вещами, но каждый раз

возвращалась к дневнику девочек.

«22 ноября. Месяц без Кати. Я почти не сплю, и мало ем, папа беспокоится, но что я могу сделать? Как хорошо, что ему удалось перевести меня на домашнее обучение, и наша директриса пошла ему навстречу. Мама Кати приходит каждый день. Она стучит — я не открываю. Она кричит — я знаю, что ты дома, дрянь! Я молчу. Соседка тетя Света нам сочувствует, и ругает тетю Надю, чтобы она не приходила больше. Где же ты, Катя?»

Затем, записи обрывались. Лиза перелистнула страницу и замерла, разглядывая рисунки Юли. Лес, деревья — всё укутано глухим снегом. Посреди поляны застыла девушка в летнем синем платье; позади неё из сугробов вырастала каменная лестница, уходящая прямо в низкое зимнее небо. На следующем наброске Юля изобразила саму себя: спиной к зрителю, она протягивала руки к чернеющей стене деревьев. Светлые волосы собраны на затылке в небрежный пучок, на ней коричневая школьная юбка и черная кофта.

«31 декабря. Ненавижу Новый год. Теперь — окончательно. На школьный праздник не пойду, хоть девчонки и звали. Но они это из жалости, просто по инерции. Был суд. Меня признали невиновной, но мать Кати в это не верит. Я до сих пор боюсь её, хотя она больше не появляется на нашем пороге. Зато сегодня заходил её отец, дядя Валера. Сказал, что они больше не могут здесь оставаться и уезжают к родственникам в Новороссийск. Он снова спросил — в сотый раз за

эти месяцы, — не помню ли я чего-нибудь ещё. Я повторила ему всё как было. Снова. Он молча кивнул, тихо попрощался и ушёл. Папа говорит, что верит мне. Так он говорит. Но иногда, когда думает, что я не вижу его лица, мне кажется — нет. Я мечтаю уснуть. Просто провалиться в темноту и проснуться с пониманием, что всё это был всего лишь дурной сон»

Получается, пропажей Кати все не закончилось. И Юлю травили в школе? Лиза нахмурилась. Как так? А вдруг, Юля действительно причастна? Тогда зачем ей вести дневник дальше? И тем более, прятать его?

«7 января. Мой день рождения. Первый раз никто не пришел. Только папа, я и попугай. Кеша может повторять слова. Как здорово, теперь у меня появился друг!»

Лизу разбудило солнце – яркие лучи светили прямо в лицо. Их дом стоял напротив частного сада «Консоль», где на лето открыли лагерь, и теперь оттуда доносился звонкий детский смех. С кухни потянуло горьковатым ароматом кофе: мама уже колдовала над завтраком. Пора было вставать.

- Сколько времени? - спросила она, зевая.

- И тебе доброе утро, Лизонька – мама красила ресницы перед окном, глядя в небольшое квадратное зеркало – я тут шарлотку испекла, садись завтракать.

Съев кусок восхитительной шарлотки и проводив родителей на работу, Лиза набрала номер Дилары.

- Диль, помнишь, ты хотела сходить на Квадрат? Может,

прогуляемся? Распогодилось вроде.

Диляра отозвалась мгновенно:

- Только попроси Юру пойти с нами. Ну пожалуйста!

- А как? У меня его номера нет.

- Зато есть номер Никиты! Позвони ему, пусть тащит друга. А я, так и быть, Машку подтяну.

Лиза невесело усмехнулась в трубку. После той злополучной прогулки на завод между подругами словно кошка пробежала — черная, облезлая. Юра теперь метался между ними, не зная, кому улыбаться шире, а девчонки ревниво делили территорию.

Собираться решили у Лизы.

- Ты хоть плавать-то умеешь? - недоверчиво приподняла брови Маша, когда они закрылись в комнате.

- Умею, - Лиза натягивала старый слитный купальник, в котором ходила в бассейн в Екатеринбурге. Ткань неожиданно плотно и удачно обхватила изменившуюся за лето фигуру.

- Ну крутяк! - выдохнула Маша. - Диля, это что на тебе?

У обеих округлились глаза. Диляра стояла посреди комнаты, как модель на подиуме. Красный раздельный купальник хищно подчеркивал каждый изгиб её фигуры и смелое декольте; шею украшала толстая коса, туго заплетенная в колосок.

- Нифига себе, - очнулась первой Лиза.

Довольная произведенным фурором, подруга крутилась

перед зеркалом, пока Маша стремительно теряла боевой дух. Её шансы на завоевание Юры таяли на глазах: на ней был старомодный мамин цветастый купальник. Даже несмотря на комки ваты, которыми она безжалостно набила чашечки лифа, ситуацию это спасало слабо.

Ребята договорились встретиться на остановке «Пляж», чтобы оттуда всей гурьбой двинуться к плотине, а через неё — на Квадрат. Юра привычно шел впереди, развлекая компанию бородатыми анекдотами. Никита плелся позади, старательно делая вид, что разглядывает кроны тополей, лишь бы не пересекаться взглядом с Лизой.

-Короче, анекдот! – голосил Юра

-Давай, давай! – завизжали девчонки, заранее покатываясь со смеху.

-Пришел бобер фотографироваться на паспорт, фотограф смотрит – не влезает морда в кадр. Говорит ему... Да подождите, не ржите пока! – но девчонок это не останавливало, и даже Лиза начала смеяться в предвкушении финала.

-И говорит ему: скажите название вашей любимой конфеты «Му-му»! Бобер ему отвечает: «батончик!»

Смех взорвал тишину водохранилища. Маша даже присела для убедительности, Никита смеялся и поправлял кепку, А Юра, довольный произведенным эффектом, шагал дальше.

-Давай еще анекдот! – просили девочки.

Пока веселящаяся троица отошла вперед, Лиза подошла к

Никите. Он снова фотографировал природу – утренняя водохранилище, где кроме рыбаков никого не было, выглядела волшебной. На берегу и в воде росли сосны. Сначала Лиза не поверила своим глазам, но, подойдя ближе, убедилась. Да, сосны, ивы, склоняли свои ветки в воду так, что ребята иногда использовали их вместо тарзанок, совершенно не похоже на типичный пляж. Когда вода выходила из берегов, стволы деревьев оказывались затопленными.

-Вот сегодня опять будут сливать воду через плотину. Можно побегать по скату, и вместе с потоком бухнуться в глубину – говорил Ник – О, встань еще раз возле елки! Ага, замри!

Щелкнул затвор, парень сделал несколько снимков.

-Лицо могла бы попроще сделать – кинул он на нее прищуренный взгляд.

-А ты мне зубы не заговаривай. Ты с мамой говорил? Это сосна, вообще-то - Лиза убрала волосы в высокий хвост.

-Ты красивая, когда хмуришься – попытался Никита, но провалился.

-Если не поговоришь сегодня, завтра я сама к вам приду! – Подмигнула ему Лиза, и пошла вперед.

Квадрат представлял собой искусственно сделанный водоприемник. Сверху, по гладкой поверхности плотины, через шлюзы сливали воду. Чаще всего поток переливался через край и растекался по старым каменистым плитам ленивыми ручейками, пока окончательно не уходил в землю. В

сам резервуар ныряли как в бассейн. С левой стороны из бетона торчали три небольших выступа — скалки, как их называли местные. Если встать на этот импровизированный пирс в безветренную погоду, когда толща воды светлела и становилась прозрачной, можно было разглядеть на дне очертания белых «Жигулей». Говорили, что когда-то, пьяный водитель слетел в воду, и утонул вместе с автомобилем.

Никита и Юра прыгали в воду со второй скалки. Диляра загорала на солнце, а Маша грустила. И только Лиза, как замороженная, смотрела на воду.

-Ну что, русалки? Купаться идете? – крикнул им Юра, и прыгнул в воду «бомбочкой».

Лиза не лгала, когда говорила, что умеет плавать. Просто не договорила, что плавает она средне, но вместе с подружкой пошла на мелководье.

-А давай нырнем к машине? – вдруг предложила Маша – только так, чтобы пацаны видели, крикни им, когда я прыгну!

Лизе стало не по себе. Живо представив, как ее ноги касаются холодной, скользкой крыши жигулей, как под ее весом они ломаются, и она оказывается на переднем сидении рядом со скелетом. Тут же выйдя из воды, она крикнула: - Пацаны! Маша решила вскрыть жигуль!

Те восхищенно захохали, и сами попрыгали в воду.

После того, как все вдоволь накупались и обсохли, было решено идти на авантюру.

-Какие еще кабачки, Юра? – зашипела Лиза – зачем нам воровать кабачки?

-Затем что они вкуснее! Когда ворованные! – парень был воодушевлен и отступить не собирался.

Чуть выше Квадрата, на пологом склоне, притаился небольшой огород-сад. Формально участок был ничейным, но ребята всё равно лезли туда с опаской — мало ли чья собака выскочит из густых зарослей? На грядках росли огурцы и свекла, а за ними виднелись пара старых яблонь, черешня и миндаль. Никто из компании не знал наверняка, кто хозяин этой растительности, но Лиза упрямо твердила: тут есть хозяин.

- Овощи сами по себе не растут. Особенно такие, - в последний раз попыталась она их отговорить, но ребята её уже не слышали. Юра снова сыпал плоскими анекдотами и байками из жизни, и никому не хотелось портить себе солнечное утро какими-то глупыми мыслями о чужом огороде.

-Мамке отдашь, она икру закатает, - он сунул Лизе в руки пустой рюкзак. - Не кисни!

Они пробрались внутрь через рваную дыру в заборе из ржавой сетки-рабицы. Внутри оказалось неожиданно сумрачно: кроны старых деревьев сплелись так плотно, что солнце вязло в них, едва касаясь земли. Воздух пах прелой листвой и сыростью. Лизе показалось, что они шагнули прямо в чужой сон.

- Рви давай, резче! - скомандовал Юра, ныряя к черешне.

Никита и Диля принялись обдирать ветки, набивая карманы рубаш и рюкзаки тугими темными ягодами. Маша опустилась на корточки у грядок, выдергивая кабачки вместе с корнями.

- На, держи. Тебе два и мне, - она протянула бахчевые подруге.

Лиза только открыла рот, чтобы поблагодарить, как за спиной раздался сухой, пронзительный свист.

Она вздрогнула всем телом, замерла на месте, а в следующую секунду жесткий удар между лопаток выбил из легких воздух. Кабачки выпали из рук.

- А вкусные они у меня, да?

Перед ними стоял старик самого дикого, невозможного вида. Несмотря на липкую жару, на нем был застегнутый до горла армейский бушлат и плотные теплые брюки. Обувь на нем не было. Его лицо напоминало плохо остывший воск - абсолютно гладкое, без ресниц и бровей, оно выражало слепую, животную злобу. Он жевал какую-то траву, и сплевывал ее прямо себе на ноги. От ужаса у Лизы мгновенно перехватило горло, из глаз сами собой брызнули слезы.

- Мы уходим, дедуля, всё, всё, спокойно, - голос Юры прозвучал непривычно высоко и тонко. Он медленно поднял руки вверх, показывая пустые ладони, и негромко бросил остальным: - Уходите. Быстро.

Но старик не слышал его. Сделав скользкий, пугающе

быстрый шаг вбок, он отрезал путь к отступлению. Направив на Лизу зубья ржавых вил, он замер в полуметре от неё. Стоило ему чуть качнуться вперед — и сталь вошла бы точно под ребра. Безумный взгляд уперся ей в переносицу, губы беззвучно шевельнулись:

- Нельзя сюда ходить. Дома надо сидеть. Дома сиди...

Он повторял эти слова глухим речитативом, будто читая молитву или сбиваясь со счета.

- А ты еще вернешься. Вернешься!

Лиза почувствовала, как кто-то крепко, почти до боли сжал её локоть. Никита. Не отрывая расширенных от ужаса глаз от лица старика, она позволила себя вести. Шаг назад. Еще один. Сухие ветки царапали плечи. Каким-то чудом они оказались снаружи забора.

- Бежим! - крикнул Юра и первым бросился вниз по крутой горке, не разбирая дороги.

Ребята посыпались следом. Лиза бежала, совершенно не чувствуя ног, оглушенная собственным пульсом в ушах. Она даже не заметила, как инстинктивно прижала к груди украденные кабачки, пачкая футболку влажной землей.

Позже, когда компания наконец расползлась по домам, переминаясь с ноги на ногу, Юра выдавил неловкое «извините» и пообещал в следующий раз позвать всех в лес на шашлыки — лишь бы заполнить тяжелую тишину.

Когда Лиза вернулась домой, мать уже гремела посудой на кухне.

— А это откуда? — кивнула она на стол, где лежали грязные, исцарапанные овощи.

— Сделай, пожалуйста, икру, — тихо ответила Лиза, стягивая кроссовки дрожащими пальцами, и ушла к себе, плотно прикрыв дверь.

Лиза слегла с температурой под вечер. За окном сгущался душный, пыльный конец августа — самый разгар бархатного сезона, когда болеть казалось просто противоестественным. Мама сокрушалась на кухне: как можно было умудриться подцепить вирус именно сейчас? Когда они переезжали в Крым, врачи наперебой твердили родителям, что местный климат укрепит здоровье дочери и избавит её от всех столичных простуд.

Никита звонил ей вчера, справлялся о самочувствии, но ни словом не обмолвился о разговоре с матерью. «Ссыкло», — беззлобно выругалась Лиза про себя, натягивая одеяло до подбородка.

Поднявшись с постели, чтобы дотянуться до тумбочки за чашкой остывшего чая с малиной, она заметила дневник. Тетрадь валялась прямо на полу, выскользнув из-под одеяла. «Что ж, надо дочитать».

«10 октября. Лилия Витальевна готовит меня к поступлению в Самокиша, говорит, что у меня талант. Ей не очень нравится мой повторяющийся сюжет, но ведь именно в нем я раскрылась как нельзя лучше»

«Странно» удивилась Лиза. «Такой большой промежуток времени, и ни слова про Катю.»

«12 декабря. Сегодня, впервые за долгое время, я вышла погулять сама. И никто не плевал мне в спину, никто не вертел пальцем у виска. Татьяна Ивановна даже поздоровалась, спросила, как я. А я улыбнулась, и ответила, что у меня все хорошо. Но дальше... Черт меня дернул пойти на квадрат! Я ведь думала, там сейчас никого нет...»

Тут Лиза остановилась, и протерла глаза. Юля писала про то жуткое место, которое она сама имела неосторожность недавно посетить.

«Тут меня и настиг дядя Леша. Он кинул в меня каким-то куском грязи, хватался за ветки деревьев, и кричал, чтобы я больше не смела сюда приходить, и сидела дома! Как же я испугалась! Он еще что-то бубнил про лес, но я уже бежала без оглядки»

Так. Если тот самый дед, что напал на них позавчера, был тем же человеком, который напал на Юлю, то не странное ли это совпадение? И слова он говорил те же...

«31 декабря. Мы с папой и Кешей отмечаем Новый год. Я приготовила подарок – портрет папы у него в кабинете, а Кешик сидит рядом, в клетке, разглядывая что-то через увеличительное стекло. Папа спросил, какое я загадаю желание под бой курантов? Не стала ему говорить, но здесь напишу: хочу все забыть, как страшный сон. Жить своей новой жизнью. Для этого, мне необходимо порвать с прошлым. Сего-

дня мне снилась девушка в лесу. Я не видела ее лица, но точно знаю, кто это. Она протягивала ко мне руки, пыталась меня схватить, но мне удалось увернуться. А значит, надо пытаться жить дальше»

Это была последняя запись в дневнике Юли и Кати. Оставшиеся страницы были изрисованы пейзажами Симферополя – Гагаринский парк, колесо обозрения, железнодорожный вокзал с вагонами поездов, водохранилище, и даже квадрат. Но внимание привлек другой рисунок, выполненный простым карандашом. На нем стоял мужчина, одетый в старую военную куртку, с вилами в руках, глядящий безумным взглядом через сетчатый забор.

Совершенно запутавшись в мыслях, девочка не заметила, что в дверях стоит мама.

-Лиза! Ты не слышишь, что ли? Тебя Никита к телефону.

-Опя-я-ять! – протянула она – Сказала же, как только приду в себя, выйду.

Взяв трубку, она вместо «привет» услышала:

-Мама сказала, что ты можешь прийти, как только тебе полегчает.

У Лизы едва не подкосились ноги. Она так сильно хотела поговорить с Юлей, а теперь почему-то испугалась. Ведь это была не та девочка из дневника, чью историю она узнала случайно. Взрослую, другую Юлю Лиза не знала. И что принесет ей эта встреча тоже. Вдруг она с недовольным лицом заберет тетрадь, и скажет что-то в духе «Чужие письма

читать нехорошо, девочка»? Или посмеется на д ней, мол, случайно забыла дневник на стройке, когда гуляла там?

-Я собираюсь! Калитку открывай! – затараторила Лиза – Ой, и собаку закрой, я их боюсь!

Она лихорадочно заправила постель, и даже попыталась отказаться от завтрака, но мама решительно настояла на своем.

-Куда ты пойдешь, на голодный желудок? – мама казалась большим цветным пятном на их маленькой кухне. - И что за срочность такая, а? Не расскажешь? Ну да, все секреты какие-то от матери - это было сказано уже другим голосом. Родители не лезли в личную жизнь дочки, и Лизе стало неловко от такого вопроса.

-Просто мама Ника позвала. Она же художница, а я давно хотела с ней пообщаться. Узнать, как она работает, сколько можно получить, ну и вообще – понять, нужно ли мне это не как хобби.

Лиза, удивившись тому, как искусно она умеет врать, съела один оладушек, быстро запила его чаем и пошла одеваться.

-Ну, правильно. Может поймет, что это не просто картинки у себя рисовать, а труд, и сделает выводы – одобрительно бурчала мама, моя посуду.

Идя к дому Никиты - он жил на улице Лесной – пришлось дважды останавливаться, от стресса и слабости.

Дом Сонниковых стоял за высоким, каменным забором,

покрытым листьями дикого винограда. За ним виднелась остроконечная крыша двухэтажной постройки, и слышался лай собаки. Постучав в железную дверь, Лиза услышала шаги, а затем голос Никиты:

- Найда! На место!

Дверь открылась, и Никита, одетый в растянутую футболку, шорты и резиновые «вьетнамки», вышел к ней.

-Заходи.

Войдя, и чуть оглянувшись, она увидела немецкую овчарку, грустно глядящую на нее из своего укрытия.

-Найда добрая, она не кусается. Мы об этом никому не рассказываем, чтобы не уменьшать ее значимости- пояснил Ник – ты ела? – Лиза кивнула.

Она уже собиралась подойти к входной двери, но Никита остановил ее:

-Пошли вниз, мама сейчас у себя.

От верхней площадки вглубь сада вели деревянные ступени. Они спускались к скрытой от посторонних глаз площадке: там поблескивал самодельный пруд, по поверхности которого скользили золотые рыбки. Чуть дальше раскинулся небольшой огород-сад: черешня, зимняя груша и ровные грядки помидоров. Вдоль теплой каменной стены выстроились горшки с красной и розовой геранью, а на грубых деревянных подставках сохли выбеленные холсты, придавая обычному двору сходство с мастерской художника под открытым небом.

Никита подошел к деревянной двери, чуть приоткрытой.
-Мам! Мы пришли!

У Лизы вспотели ладони, и она поспешила вытереть их о ткань брюк.

-Заходите! – послышался женский голос.

Внутри большого, светлого помещения пахло растворителем и красками, а также чем-то терпким.

-Я здесь – донеслось со стороны. К ним подошла высокая, худая женщина, с аккуратным пучком волос на голове, одетая в серый летящий кардиган поверх светло-розового сарафана. Лиза застыла в нерешительности. «Как балерина» подумала она, разглядывая Юлю. Та же, улыбнувшись совсем по-девичьи, пригласила ее присесть.

-Сынок, сделаешь нам кофе пожалуйста? Ты будешь? – быстро спросила она у притихшей гостьи.

-Буду.

Она удивилась, как были похожи мать и сын, только волосы Никиты были темнее.

Юля присела на небольшой диван, жестом приглашая Лизу. Когда Никита вышел, ее взгляд стал более внимательным. Она посмотрела на тетрадь, которую девочка все еще прижимала к груди.

-Я спрятала его там, много лет назад. Не думала, что кто-то его обнаружит, ведь завод уже тогда перестал функционировать. Но кажется, некоторые вещи сами выбирают, когда им вернуться.

Она потеряла переносицу. Тут только Лиза обратила внимание, что пальцы Юли измазаны в краске.

-Возьмите его. Я... Я его прочла, извините... - девочка замялась, не зная, что сказать – он мне не нужен, а на кирпичку я больше не пойду.

-Ты бледная, Лиза. Все в порядке? – Юля смотрела ей в глаза, все еще не беря тетрадь в руки.

-Да. Нет, то есть, я немного простыла, с тех пор, как на меня на пал дед в том саду.

Едва уловимая тень промелькнула в глазах Юли.

-Вы не расскажете, что случилось тогда? Когда Катя пропала? Если нет, то я очень извиняюсь, и обещаю больше вас не беспокоить.

Женщина сидела перед ней прямо, с идеальной осанкой. Она ничего не ответила, и Лиза уже хотела встать, чтобы попрощаться, как вдруг услышала:

-Я познакомилась с Катей, когда перешла в их 6-В. Она сразу взяла меня под крыло, и так как жили мы недалеко друг от друга – ее дом чуть выше на горке – стали дружить.

Взгляд Юли на секунду стал влажным, но она взяла себя в руки. Никита принес кофе, и его приятный аромат заполнил собой всю мастерскую. Он кинул заинтересованный взгляд на подругу, затем на мать, и молча вышел.

Катя всегда была балагуршей и заводилой в любой компании, но ближе всех дружила с тихой, незаметной Юлей – новенькой девочкой, пришедшей к ним в класс из первой

гимназии. Они вместе воровали айву у Катиной соседки бабы Тони, вместе прогуливали алгебру у Лидии Дмитриевны, которая в шутку звала их Софьями Ковалевскими. Девочки часто оставались друг у друга на ночевку. Родители замечали, как положительно влияет на них дружба – Катя становилась более спокойной и собранной, а Юля, наоборот, открытой и решительной.

Иногда их забавы были опасными. Например, пойти вечером на кирпичку курить. Просто из любопытства, попробовать, что это такое. Тогда их прогнал сторож, но вместо того, чтобы убежать без оглядки, Катя потащила Юлю прятаться за дерево. Когда охрана с собакой ушли, они подкрались к бывшему кабинету директора завода – серому одноэтажному зданию, и сидели там допоздна. В кабинете, где все лежало по полочкам, стоял красивый зеленый абажур, который Катя случайно скинула на пол. Юля, испугавшись, что сейчас их заметят, бросилась к окну. Но там никого не было, и они принялись перебирать бумажки в ящиках и на столе. С тех пор, этот кабинет стал их секретным местом, куда девочки приходили, чтобы побыть вдвоем. Тут же они передавали друг другу дневник, который придумала вести Катя.

– Зачем? – непонимающе смотрела на нее сквозь очки Юля – мы и так видимся каждый день.

– Затем – говорила Катя, притушив бычок о железный степлер – что иногда мне приходят в голову умные мысли, когда тебя нет рядом. Я их быстро забываю, и ты про них

никогда не узнаешь- девушка утерла кулачком выдуманные слезы, показав подруге, как сильно она страдает от невысказанности чувств.

-Ты, кстати, будешь рисовать иллюстрации к нему! Как я придумала, здорово? – Катя радовалась своей идее, как ребенок.

-Здорово – согласилась Юля, улыбнувшись.

Но в дневник они писали всякую чепуху, в основном, просто пересказывая детали прошедшего дня. Кто кому нравился, как скучно было сидеть на биологии, как Юлю едва не раскрыл папа, учуяв запах табака.

«3 августа. Пришлось сказать, что это ребята курили, а я стояла рядом» - писала Юля подруге.

«4 августа. А тебе понравился Костя? Тот, кто из 11-А, он симпатичный»

Так девочки проводили время, оставаясь рядом, даже когда одна из них уезжала. Например, Катя поехала в деревню к бабушке, в это время дневник вела Юля. Или наоборот. Юля лежала в больнице, после удаления аппендицита, Катя писала ей все, что происходило в школе и на улице.

Перейдя в десятый класс, они снова завели тетрадь.

-Ту, что ты сейчас держишь в руках. Это был последний оставшийся дневник. В то время Кате начали сниться кошмары про лес. Думаю, ты читала их описание.

Лиза сидела, как замороженная.

-Она стала одержима идеей найти в лесу лестницу. Дума-

ла, что это ее магическое предназначение! – Юля горестно вздохнула, и, кутаясь в кардиган будто от холода, продолжила.

Девочки часто гуляли по небольшому лесу около водохранилища. Если выйти с конечной остановки троллейбусов 4 и 6, перейти дорогу, то окажешься в небольшой лесополосе. Чуть пройти – и можно ступить в воду, которую скрывает поверхность мха и зарослей. Но с этого берега водохранилища нравилась им больше всего – вода, подступающая к лесу, который темнел на ее фоне и отражался ярким пятном. Юля рисовала тут пейзажи, потом они ныряли с масками, а один раз даже нашли золотую цепочку.

Катя упрашивала подругу пойти с ней в лес, именно ночью.

-Мы через него столько раз ходили! Нет там ничего – пыталась вразумить ее Юля, но все было зря. Однажды, Катя сообщила, что пойдет сама.

-Скажу, что была у тебя на ночевке.

Это Юле совершенно не понравилось.

-Я помню ту ночь в мельчайших деталях. Только мне никто не верил – сказала она Лизе.

-Юля – назвать ее «тетей» не поворачивался язык – расскажите мне, что же случилось? Я вам поверю. Мне тоже снятся сны про лес, мне снится девушка – не знаю, кто она, но просит о помощи. Возможно, я просто слишком увлеклась, читая ваш дневник, но мне очень хочется узнать, что

случилось с Катей.

Юля с ужасом уставилась на нее.

-Лиза! Ты должна пообещать мне: никогда туда не ходить! Этот лес злой. Я не сумасшедшая – она поправила рукой волосы – но Катя была не первой, кто там исчез. Меня никто не слушал! Знаешь, ты мне кажешься знакомой. Мы виделись с тобой раньше?

Лиза поставила чашку с нетронутым кофе на захламленный кистями и тюбиками краски столик.

- Нет. Мы переехали сюда два года назад. Расскажите мне, пожалуйста, что случилось.

Родители спокойно отпустили дочь на ночь к Юле. Они знали ее отца, доверяли девочкам, и ничего плохого никогда не происходило. Юлин папа, преподававший в университете историю, частенько задерживался допоздна. Дочь все понимала – он еще молод, мамы нет уже много лет, а за то, что он не делал ее свидетелем своей личной жизни, она была только благодарна.

В тот пятничный вечер отец предупредил, что будет поздно.

-Вы без меня ложитесь, только калитку запри, и собаку выпусти.

Едва начало темнеть, девочки засобирались в лес.

-Обещаю – мы туда и обратно. Если ничего нет, я больше эту тему поднимать не буду- говорила Катя, завязывая шнурки на новеньких, коричневых ботинках.

Поначалу, в лесу действительно было не интересно. Шум проезжающих автомобилей и троллейбусов, отдаленные голоса людей – грибники шли к трассе, боясь не успеть на автобус до Перевального. Юля включила фонарик.

-Зачем – зашипела Катя.

-Я ничего не вижу- ответила она. Но на самом деле ей стало жутковато. Лес, пусть это для него и громкое название, днем казался редким, небольшим. А сейчас они будто шли по бесконечной тропе. Юля обратила внимание на то, что все звуки стихли. Не было света фар, даже шелеста листвы под ногами. Они все шли и шли, и казалось, попали в замкнутый круг. Уже начав нервничать, и борясь с желанием предложить подруге вернуться, она услышала:

-Вот она!

Юля буквально ударилась носом в плечо более высокой Кати.

-Ай- потерла она ушибленное место.

Посветив дальним светом фонаря, Катя, не заметившая ушиб подруги, указала ей:

-Гляди!

Протерев глаза, Юля остолбенела. Посреди полянки, которая теперь казалась ей незнакомой, рядом с деревом дикой калины, стоял лестничный пролет. Обычные, каменные ступеньки, идущие из земли в никуда. Одиннадцать ступеней насчитали девочки, подойдя ближе. Лестница стояла сама по себе, больше никаких строений, остатков кирпича, инстру-

ментов, даже фундамента не было.

-Я же говорила! – засмеялась Катя. Она выглядела совсем бледной, ее глаза лихорадочно блестели.

-Катя, все, ты была права. Теперь пойдем отсюда? Мне холодно- Юле не было холодно, ей было страшно. Так не бывает. Это галлюцинация, чья-то шутка. А если они заблудились? Если они уже за Перевальным? Кто их найдет, если папа до утра не будет к ним заходить?

Мысли тяжёлым роем носились в голове, но Катя, словно обезумев, начала бегать вокруг лестницы, дотрагиваясь до каждой ступени.

- Катя, хватит! - в голосе Юли уже слышались слёзы.

Катя отбросила фонарик, встала рядом с лестницей и крикнула:

- Мне не нужен фонарь! Я вижу свой свет! И я иду к нему!

Она поднялась по ступенькам, громко и чётко произнося каждое число:

- Первая! Вторая! Третья!

Не слыша всхлипов подруги, Катя застыла на последней, одиннадцатой ступени.

- Я иду туда! Мне нужно быть там! Мы ещё встретимся с тобой!

Бросив на Юлю последний взгляд, она шагнула вперёд.

Юля, стоя в метре от лестницы и держа в руках два фонаря, приготовилась услышать удар - звук тела, упавшего на землю. Но его не последовало.

Катя сделала шаг - и исчезла за невидимым порогом, словно растворилась в воздухе.

Фонарики в руках погасли.

Юлю словно вынесло из трубы. Она упала на спину и только тогда снова услышала окружающий мир: шум машин, далёкий лай собак. Ощутила влажные листья под собой.

Девушка поднялась, пошатываясь, и тут же получила хлёсткий удар веткой по лицу. По переносице потекла кровь.

Юля закричала:

- Катя! Ты где, Катя?

Но никто ей не ответил.

Она побежала вдоль трассы, где в темноте пробивался слабый свет. Обернувшись, увидела позади привычные редкие деревья и, в лунном свете, даже отдельные участки воды.

Через дорогу, на остановке, горел свет в магазине.

Юля ворвалась внутрь и, плача, выпалила продавщицам:

- Моя подруга пропала в лесу! Мы там гуляли! Помогите! Может, она утонула!

Дальнейшее больше напоминало дурной сон.

Продавщицы вызвали милицию. Вскоре приехал папа Юли, затем родители Кати. Поиски начали сразу.

Они продолжались несколько дней почти без перерыва, и всё это время Юля почти не спала. Она так и не переоделась, оставаясь в той же одежде.

Продавщицы поили её чаем, давали печенье, а однажды кто-то накапал ей успокоительное.

Папа, к её удивлению, не сердился. Но он не верил в исчезновение без следа и тем более - в какое-то волшебство.

-Так не бывает, милая. У тебя шок, вот ты и решила, что Катя исчезла. Нет там никакой лестницы. Мы все обыскали, осталось одно...

-Что - неживым, сухим голосом спросила Юля.

-Сегодня водолазы обследуют дно водохранилища. Сейчас осень, сильного течения нет, так что, будем надеяться.

-Что было дальше, ты, наверное, знаешь – закончила свой рассказ Юля – я тогда старалась вести дневник как раньше, когда Катя уезжала. Казалось, так было легче пережить случившееся. Я часто думаю – не согласись я тогда на эту авантюру, ну поругались бы мы, но Катя осталась бы... Здесь! После пережитого, папа водил меня к психиатру. Хорошая женщина, надо сказать, но она помогла мне справиться с тревогой. Спустя какое-то время я отнесла дневник на кирпичку. Это была дань памяти – вроде как, моя очередь писать дневник закончилась. Знаешь – она встала и прошлась по комнате – сначала я испугалась, когда сын рассказал мне о твоей находке. Но потом подумала – нельзя же всю жизнь прятаться от призраков прошлого? Да и ты могла впечатлиться не на шутку...

Наконец, Юля подошла к Лизе, вытерев слезы и расправив плечи. Она взяла тетрадь и открыла ее, мягко улыбаясь, переворачивала страницы.

-Я хочу отдать его вам. Мне он ни к чему. Извините меня,

если вы снова пережили те чувства- сказала Лиза.

Юля повертела предмет в руках, и ответила:

-Так даже безопаснее.

Глава 6

Лиза шла домой, чувствуя легкое разочарование. Тетрадь она отдала. Юля оказалась вполне нормальной, даже симпатичной.

Получается, всё? Куда пропала Катя, так никто и не узнал, и теперь казалось вполне вероятным, что никакой мистики не было — Юля могла соврать или поверить в то, чего не было. Лиза читала где-то, что иногда мозг защищает своего владельца ложными воспоминаниями, чтобы тот не сошел с ума. Снова стало невыносимо скучно.

«Ну а на что ты надеялась?» - спрашивала она саму себя. - «Что вы вместе ввяжетесь в расследование потустороннего?»

Образ мамы Никиты не выходил у нее из головы. Ну да, типичная жертва, пережившая беду. В семнадцать лет потерять подругу, а потом все вокруг будут подозревать тебя в ее исчезновении. Неудивительно, что Юля почти не выходит из дома. С другой стороны, это тяжело - жить в своем закрытом мире?

Дома никого не было. «Книжку почитать, что ли?» — подумала Лиза, но вся отцовская библиотека теперь меркла перед дневником Кати и Юли! Улегшись на кровать прямо в одежде, девочка почти сразу уснула.

Во сне всегда тяжело бежать, даже по прямой дороге. Уди-

вительно: летать и падать можно быстро, а вот бежать — нет. Будто к ногам кто-то подвесил невидимые утяжелители с песком. Лиза шла по лесу. Влажная, выстланная пожухлой листвой и сухостоем трава цеплялась за одежду и сбивалась в неприятные комья, перемешанные с грязью. Вокруг сумерки, видимость почти нулевая, но она точно знает, куда ей надо идти. Там, среди деревьев, уходя в воду, есть каменные ступени. Ей нужно спуститься туда, в глубину, где уже заждались другие люди. Стоя по колено в прозрачной воде, девушка увидела, как со дна к ней тянутся десятки рук, пытаясь подобраться ближе.

- Заходи, не надо бояться, - услышала она чей-то незнакомый голос. Ни мужской, ни женский, а какой-то механический.

В этот момент ее одолел страх. Чувство приближающейся, неминуемой гибели, но выйти из воды она не могла. Лиза попробовала закричать, но горло словно сдавили чем-то. «Надо умереть, чтобы проснуться!» — промелькнула у нее мысль, и в этот миг она уловила звук, похожий на разочарование.

Очнулась она от того, что с кровати упала на пол. С ужасом обнаружив мокрую простынь, Лиза поспешила убрать все в стирку. Такого с ней не случалось же лет пять, неужели энурез снова вернулся? Это всё стресс, решила она, родителям лучше ничего не говорить.

В детстве, когда ей было пять лет, в пожаре погиб её старший брат Саша. Лизу едва успели вытащить из горящего деревянного дома. С тех пор она начала мочиться по ночам. Родители ничего ей не говорили, но сам факт этого очень её расстраивал. Она не оставалась ночевать у подруг, почти всегда спала на клеёнке. Но затем, с приходом месячных, всё изменилось.

О пожаре родители говорили мало — как и о Саше. Его почти не вспоминали, видимо, не желая вновь погружаться в то горе. Кроме большого шрама, покрывавшего всё бедро, Лизе ничто не напоминало о той ночи.

На часах было десять вечера. Выйдя из ванной, она встретила на кухне мать.

- О, Лизок! Садись, чай пить. Я испекла хлеб - ну, чтобы икру мазать из твоих кабачков. Вку-у-у-сно получилось! М-м-м! — мама откусила кусочек бутерброда, и запах свежей выпечки разнёсся по всей кухне.

Устоять перед вечерним чаепитием Лиза не могла.

Икра и правда получилась очень вкусной, как, впрочем, и всё, что готовила мама. У них дома всегда была свежая еда, а родители брали с собой обеды на работу, потому что, по мнению мамы, покупать булки, когда в доме есть хозяйка, — дурной тон.

- Ты меня совсем не слушаешь, что ли? - мамин голос вернул её из раздумий.

- А? Что? Мам, ты что-то говорила?

- Да. Говорю: кабачки откуда достали-то?

Мама посмотрела на неё, покачав головой, а Лизе в голову вдруг пришла безумная идея.

Точно! Вот кто сможет хоть что-то ей рассказать!

- Там, на квадрате, есть огород, почти заброшенный. Мы думали, там никого нет, а нас какой-то дед напугал...

- Так вы что, воровали? - мама произнесла это максимально осуждающим тоном, на какой только была способна.

- Нет, что ты, - начала оправдываться Лиза. - Мы их сорвали и ушли. Там почти никто не ходит, так что, по сути, мы ничего не нарушили, - снова легко солгала она.

Вошедший на кухню папа от души похвалил мамину стряпню и тоже налил себе чаю. В такие моменты Лиза чувствовала себя абсолютно счастливой и защищённой: все дома, все в сборе, шутят, рассказывают о прошедшем дне. На кухне мягкий, приглушённый свет, а с улицы доносится обычный ночной городской шум. Перед сном Лиза достала из-под кровати свёрнутую в рулон коричневую клеёнку. Её снова накрыла грусть — не только из-за того, что проблема, о которой она почти забыла, вернулась, но и от ощущения пустоты. Пока она читала дневник, пока ждала встречи с Юлей, у неё было что-то вроде стимула на каждый день. Теперь же остался только довольно опасный план: пойти утром на квадрат, отыскать деда Лёшу и попытаться у него что-ни-

будь спросить, если он будет вменяемым. Утром снова пошёл дождь. Папа, ища свой зонт в коридоре, ворчал, что если дожди продолжатся и осенью, он обидится. Мама, накидывая на голову синий пакет, торопила его выходить, и они спешно попрощались с дочерью.

- Завтрак на столе! - крикнула мать, закрывая дверь. Сделав глоток чая и доедая злополучную икру, Лиза задумалась: может, позвать кого-то с собой? Машу? Нет, она не поймёт. Дилю? Она живёт в Курцах, ей дольше всех идти. Никиту? Точно нет, ему и так не нравится, что она добилась встречи с его мамой и разбередила её старые раны. Надо идти самой. Но страшно - вдруг дед снова нападёт на неё с вилами? Застёгивая джинсовую куртку, она, с минуту поразмыслив, взяла с трюмо мамин лак для волос и положила его в сумку. Хоть она и шла в резиновых сапогах, передвигать ногами было так же тяжело, как и во сне. Наконец подойдя к заветному забору, постояла рядом, отдышавшись. Нагнувшись, Лиза пролезла внутрь. Вся мокрая, ноги скользят, а в саду тишина. Она оглядела то место, где Никита и Диля рвали черешню, затем - кабачковые грядки.

- Эй! Дядя Лёша! - позвала она негромко. Громче звать было неловко, она никогда никого так не вызывала. Пройдя по саду, девушка увидела, что чуть поодаль растут розы и лилии. Яркие, живые цветы завораживали и притягивали к себе.

- А, пришла-таки. Эх, что с вами поделать, вы ведь нико-

гда никого не слушаете! За спиной раздался голос деда Лёши, и Лиза обернулась.

Глава 7

- Здравствуйте! Извините, я вас потревожила, я просто хотела... - девочка начала запинаться и машинально сжала ручку сумки сильнее.

- Что ты видела? - спросил дед Лёша. Она решила не врать. - Я ничего не видела. Мне попался дневник двух девочек: одна из которых пропала двадцать лет назад, а другая живёт здесь, в Симферополе.

- Пошли, - вдруг поманил её дед Лёша. Девчонка испугалась, но он обернулся:

- Не бойсь, не трогаю я никого, - кивнул старик через плечо. Пройдя по саду, она с удивлением обнаружила, что это не заброшенный небольшой клочок земли, а большое поле, засаженное деревьями и растениями. На краю, рядом с забором, за которым располагался лес, стоял одинокий одноэтажный домик с треугольной крышей и окном посередине.

Белый, с голубой дверью, он был похож на мультяшный, и Лиза подумала, как там вообще может кто-то поместиться? Войдя в дверь, в нос ударил запах трав, которые пучками висели на стенах. Обстановка была небогатой: небольшая панцирная кровать, застланная без единой складочки, стол у окна, на нем стояла керосиновая лампа, электрический чайник, и стопка книг. Выбеленные стены, деревянный пол и низкий потолок – такой, что даже невысокой Лизе пришлось

пригнуться. Дом выглядел опрятным, чистым, а к запаху она быстро привыкла.

Дед Леша уселся на стул, поставил на электрическую плиту чайник. За окном пошел ливень, и деревья шелестели под натиском воды.

-Садися! В ногах правды нет – указал он ей на второй стул. На другой стене, где была настоящая, пусть и небольшая, каменная печка, висела полка со всякими свертками. Дед достал пакет с пряниками, и, развернув, положил в центр стола. Зажег лампу, от которой сначала пошел черный едкий дымок, но затем стало уютно и даже тепло.

-Извините нас, что мы тогда у вас своровали кабачки и черешню – девочка говорила искренне, надеясь, что собеседник не рассердится.

-Да мне не жалко. Я один столько не съем- ответил дед, попивая чай.

Лиза взяла в руки кружку, но не осмелилась просить сахар. Дед Леша сам поставил перед ней сахарницу и баночку варенья.

-Бери, сам делал – улыбнулся он.

-Дядя Леша – Лиза не решилась назвать его дедом – я пришла потому, что вы ведь что-то знаете о пропаже девочки, Кати? Двадцать лет назад. К вам приходила другая девочка, Юля, вы помните? И нам тогда вы сказали, сидеть дома?

Алексей нахмурился, поставил локти на стол и потер лоб. Он чуть приоткрыл форточку, и в комнату влетел порыв све-

жего воздуха.

-Петрикор – Лиза с недоумением уставилась на него.

-Так называется запах асфальта, после того, как по нему прошел дождь. Вот сейчас, на плитах вода стекает, чувствуешь?

Девочка потянула носом. Приятный, ощущался как будто смешали теплое с твердым.

-Я их предупреждал – неожиданно, он сам сменил тему, и она приготовилась слушать.

Когда Леша был совсем маленьким, началась война. Отец ушел на фронт, оставив троих детей и жену в Симферополе, куда в ноябре уже вошли фашисты, и мама, схватив сыновей и дочь, сбежала в лес, к партизанам. Леша плакал и просился домой, к бабе Кате, а старший брат, Петя, ругал его.

-Нет больше бабки Кати! Фрицы у нас в доме штаб свой сделали, все твои вещи и конька деревянного, что батя сделал, все сожгли!

Брат пытался оборвать все мысли о том, что дома их больше нет. Плачущие младшие его раздражали, и еще больше бередили рану, и он частенько убегал подальше от их убежища. Однажды ночью, когда мама и сестра спали, он разбудил Лешу.

-Вставай, покажу че!

Леша, поворчав, все же не решился послушаться старшего, и побрел за ним. Они шли по краю берега водохранилища, в отражении которого сияла луна.

-Петь, куды идем-то? – хныкал младший.

-Ща, покажу! Не знаю, немцы схрон какой-то делают, или из местных кто чудит.

Пробравшись в небольшой пролесок, Леша, идя позади Петра, заволновался. А что если мама проснется, а их нет? Влетит потом по первое число!

-Гляди! – услышал он голос брата, и обернулся. Петя стоял спиной к нему, и показывал рукой на небольшую каменную лестницу, выступающую прямо из земли. Леша протер глаза, но не понял, зачем они здесь.

-И что? Домой пошли, Петька, мамка нам задаст потом!

-Я ее во сне видел – севшим голосом произнес брат.

-Кого? – все еще недоумевал Леша.

-Лестницу. Она мне снилась, меня папка звал с верхней ступеньки, говорил, сынок, идем, я ж тут заждался тебя! Эх, где ж ты, папка?

Петя, все еще не оглядываясь на младшего брата, зашагал к ступенькам, и стал подниматься.

-Убьесся!- крикнул Леша. Вокруг было темно, и только отблеск лунного света проглядывал сквозь голые деревья. Но брат его не слышал. Он, как замороженный, медленно шагал ввысь, по хлипким, на первый взгляд, ступеням. Подойдя к последней, Петя остановился. Леша решил, что тот сейчас спрыгнет вниз, засмеется, затем, потрепав его по волосам, скажет, что пора возвращаться. Но Петя, уставившись куда-то прямо перед собой, стянул с себя шапку, с криком «Иду!» шагнул с последней, самой высокой ступеньки, и...

Исчез.

Насмерть перепуганный мальчик стал звать брата, но тут же зажал рот рукой – услышит кто-то, ему конец. Фрицы регулярно обходили водохранилище, в поисках партизан. В лесу стояла непривычная, мертвая тишина, будто кто-то накинул сверху невидимый купол, и все звуки мгновенно испарились. Ни лестницы, ни брата Пети не было. Едва живой от страха, Леша бежал назад без оглядки. В землянке, он ревел как маленький, хотя ему было уже семь лет. Он рассказывал матери и сестре Ане, что «Петька с лестницы расшибся, пропал, как нечистый его забрал». Искали Петра и партизаны, а мать с сестрой, и никто, не единый человек, ему не поверил. Только одна бабка, которая с ними была кем-то вроде поварихи, подозвала его к себе, и сказала:

-Про нечистого ты верно сказал. Появляется тут он иногда, и забирает с собой, проклят этот лес, земля эта проклята! А ты молчи, раз тебя он не тронул, ты ему без надобности значит!

Лиза не заметила, как привычным для мамы жестом, обхватила шею рукой. Когда мама слышала что-то очень плохое, она неосознанно клала руку на шею и нижнюю челюсть.

-Ты думаешь, Петька один так пропал? – невесело ухмыльнулся дед Леша, закручивая самокрутку – уже в послевоенные годы, когда мне двадцать лет было. Говорили, правда, что повесился он от неразделенной любви. Как бы не так! Тела не нашли! А потом еще женщина там пропала – хотела

за грибами раньше всех прийти, и больше собрать. Но нет ее – никто тел не находил!

-А может, они правда не из-за лесса исчезли? – попыталась убедить саму себя Лиза.

-Не правда! – отрезал дед Леша – А может, я просто сумасшедший старик?

Он улыбнулся странной улыбкой, и кожа вокруг его глаз собралась в множество мелких морщин, сделав выражение лица зловещим. Стало не по себе.

-А сколько вам лет? – сменить тему показалось безопасной идеей.

-Семьдесят восемь – вдруг пришел в себя дед – смерть смеется надо мной. Сколько раз я ее звал, бродя по лесу, ночами блуждая по берегу водохранилища! Может, это проклятие? – он смотрел на Лизу, но обращаясь к самому себе – я вот что думаю – тут он сел напротив – что или кто забирает людей, мне неизвестно, но оно никогда не берет сразу двоих, понимаешь? Одни всегда остается, и он становится изгоем. Как будто его душу тоже забирают, а пустая оболочка живет здесь, совершенно одинокая.

Лиза ощутила, как пальцам стало больно. Разжав руку, она отставила от себя кружку чая, к которому почти не при-
тронулась. Дождь за окном прекратился.

-Не надо тебе ходить никуда, не ищи ничего – дед взглянул на нее с тревогой – оно тебя чувствует, проникает внутрь. Сиди дома, девочка, пережди эту осень, и даст Бог, оста-

нешься живой.

Домой она шла в сумбурном состоянии. Верить ли ополоумевшему деду? Одинокий, пожилой человек, живет в дали от всех, растит свой сад и огород. Мало ли, что ему взбредет в голову? Но вот история с его братом... Не выдумал ли он ее?

Вечером ей позвонил Юра.

-Привет! Завтра на кастрик пойдешь?

-О, привет! А что с собой брать? Вы что берете? – она была рада сходить куда-то с друзьями, и отвлечься. До школы оставалось совсем яуть-чуть, и, не взирая на непогоду, дома сидеть не хотелось.

Юра замялся с ответом.

-Да-а-а... Бери картоху, остальное есть!

Ложась спать, Лиза снова развернула оранжевую клеенку под простынями. Если так пойдет и дальше, надо будет сказать родителям, а значит, ее вновь поведут к невропатологу, назначат лекарства и будут смотреть с жалостью. Вероятно, доктор даже скажет: «Ты же уже взрослая девушка! А как замуж выйдешь – тоже будешь по ночам мочиться?»

Вздохнув, и выключив свет, она попыталась уснуть.

Стоя возле почтового отделения, она не могла понять, какое сейчас время суток? Все было темно-серого цвета, но ни солнца, ни фонарей, никакого либо источника света не было. В общежитии на Беспалова все окна были темными. Посмотрев налево, в сторону дороги, Лиза не заметила проез-

жающих машин. Ни звука не слышно. Обойдя здание, она увидела возле ворот частной школы «Консоль» силуэт. Это была молодая женщина, кого-то напоминавшая ей, но Лиза не могла вспомнить, где она ее видела.

-Извините! А что случилось? – спросила она у фигуры, неподвижно стоявшей возле решетчатой зеленой двери. Женщина ничего не ответила, только покачала головой. Она была одета обычно – серый спортивный костюм, светлые волосы, собранные в хвост.

Лизе стало страшно.

-Я умерла? – выдавила она из себя.

Женщина ничего не ответила, но в голове девочка услышала четкий голос: «Нет».

Не двигаясь с места, она вновь обратилась к загадочной незнакомке.

-Что мне делать?

«Иди домой»

- А дальше? Что дальше? – с тревогой в голосе, почти плача, спрашивала девочка.

Женщина ничего не сказала, и Лиза поспешила к своему подъезду. Проходя мимо щитовой, она вздрогнула от фразы в своей голове: «Не оборачивайся!»

Дверь не поддавалась. Лиза начала стучать кулаком, кричать маме, но в этом безлюдном, мертвом месте, ее никто не слышал. Вдруг, к ногам начала подступать вода. Невесть откуда взявшаяся, она поднималась выше, со скоростью на-

полняя двор.

-Нет! Нет! Надо проснуться! Я сплю! – Лиза попыталась крикнуть, но слова застряли в горле, и она раскрывала рот в немом звуке, утопая в темной, холодной воде.

Очнувшись, резко сев в кровати, девочка схватилась за голову. Та нещадно болела, и Лиза ощутила резкий приступ тошноты. Ногам стало некомфортно, и она поняла, что вновь описалась.

-Доброе утро! – радостно провозгласил папа – Сегодня пятница, наконец-то!

-А у меня еще в понедельник выходной – улыбнувшись, разливая блинное тесто по сковороде, говорила мама. Они не заметили дочь, которая стояла в дверном проеме.

-Всем привет – тихо произнесла она.

-Что случилось? – резко обернувшись, спросила мама. Она всегда чувствовала малейшее изменение в голосе и поведении своего ребенка, и обмануть, или утаить что-то, было практически невозможным.

-У меня опять энурез.

Лиза села на табуретку, облокотившись спиной о тихо урчавший холодильник, и, вздохнув, затряслась в беззвучном плаче, от жалости к себе и от стыда.

-Лиза! – Мама подошла к ней, и присела рядом, оставив блин догорать на плите – ты чего, а? Ну ничего страшного, может это после того дождя ты простыла?

-Так, не реви – сказал папа, пытаясь спасти блин – как

давно началось и часто ли повторяется? – ахая, и доставая черный, идеальный круг со сковородки, он бросил его в мусорку под раковиной.

– Почти каждую ночь, уже дней десять, я точно не помню – Лиза подогнула колени под себя, и скрыла лиц в ладонях.

– Ладно- папа стоял у окна, скрестив руки на груди- у нас в санатории есть хороший психиатр, давай завтра к ней сходим? Она как раз дежурит в группе выходного дня. Неофициально, а просто поговорить. Анна Ивановна замечательный специалист, еще советской школы.

Мама поддержала папу, сказав, что об Анне Ивановне слышала много хорошего. На этом родители закрыли тему. Лизе даже понравилось, что они не стали погружаться в подробности или ругать её за то, что она молчала несколько дней, а просто предложили решение и занялись своими утренними делами дальше. Несмотря на то, что девочка никогда не делилась с ними чем-то сокровенным, между ней и родителями часто происходили разговоры по душам: мама и папа никогда не отторгали её переживания и проблемы. Она уже не была ребёнком, поэтому к этой беде взрослые подошли как к вопросу взрослого человека — без лишних оханий и пересудов.

– Хоть дождя сегодня не намечается – обрадовалась мама, делая тише звук маленького серого телевизора, стоявшем на холодильнике.

– Мам, а у нас картошка есть? Мы с ребятами пойдем ко-

стер жечь на водохранилище – вспомнила Лиза.

-Да бери, в ящике, сколько нужно. Я сегодня ничего готовить не буду, вы еще борщ и голубцы не доели- мама красила губы в коридоре перед зеркалом – Ну мы пошли, до вечера, Лизок!

После ухода родителей, еще раз позвонив Юре, она уточнила место встречи.

-Я подумал, может на карьер сходим? Так и тебе ближе, и место классное?

-А... Давайте, мне там тоже нравится – согласилась Лиза.

Карьер находился совсем рядом с ее домом, если перейти дорогу от здания почты и магазина, и подняться по горке из насыпи вверх, то перед глазами открывался небольшой оазис. Поросшие травой зеленые луга, спускавшиеся вниз, к небольшому водоему, с одной стороны которого рос камыш, а с другой сидели вечные рыбаки и мальчишки, которые ловили раков. Здесь часто устраивали семейные пикники, и приходили на свидание парочки.

Юра стоял на дороге, ведущей к карьеру, с рюкзаком на плечах.

-Привет! А где все? – удивилась Лиза, стоя с пакетом картошки в руках.

Юра замялся, почесал затылок, и ответил:

-Да я подумал, может мы вдвоем сходим? Никитос сегодня с мамой занят...

-А девочки? – Лиза ощутила непонятное и неприятное

волнение, но не могла себе объяснить его.

-Да ладно, пошли уже! – улыбнулся он.

Юра разводил костер довольно умело, но все его движения, слова были какими-то странными. Он был слишком веселым, слишком громким, невпопад шутил и подмигивал.

«Да что происходит?» - не понимала Лиза. Почему девочек нет? Звал ли он их вообще? Она не смотрела на Юру, как на потенциального парня, да и вообще, в этом смысле й никто не нравился из реальных ребят. В основном, она влюблялась в актеров или героев книг, а мысль о настоящих отношениях вызывала у нее смятение и даже страх. Ну вот будет у нее парень, и что? Они будут часами бродить по улицам? Или придут к кому-то домой, где родители попросят не закрывать к себе дверь, а на от конфуза не произнесет ни слова? Мысль о физическом контакте – поцелуях, объятиях – вызывала у нее странное чувство недоумения, как будто это было все не для нее и не вовремя.

Расположившись слишком близко к ней, глядя на костер, Юра достал из рюкзака бутылку пива. «А, ну вот и объяснение»- подумала Лиза. Она чуяла пьяных за версту. Даже слегка выпившие люди сразу выделялись для нее, и вызывали неприятные чувства.

-Мне батя разрешает – пожал плечами парень.

Лиза чувствовала себя неловко и одновременно виновато. Ей казалось, что она не оправдала его ожиданий, и была ему что-то должна. Она знала Юру около двух лет, знала,

что он неплохой парень, и что нравился многим девочкам. Ей навелись его шутки и отвага, но сейчас было совершенно непонятно, как себя вести. Юра уловил ее настроение, и сам немного засмутился. Он начал двигаться неловко, иногда спотыкаясь о камни вокруг кострища, и невпопад смеяться. Поев картошку, которая не пропеклась, и едва успев спасти плед от налетевших на него угольков, ребята собрались домой. Молча собрав вещи, затушив остатки костра водой, они побрели вверх. Перекидываясь односложными фразами, и держась друг от друга на расстоянии, они подходили к дому Лизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.